

видуальность России имеет право на свой собственный путь развития. Изменение сознания предполагает очередную форму смены мышления. Каждое поколение способно выполнять собственную значимую роль на определенном отрезке времени и определенном этапе развития общества. Происходит вечное выяснение отношений человека с окружающим миром... Духовность же, по нашему мнению, может и должна помочь сегодняшнему человеку выйти из глубокого нравственного кризиса и обновить современное общество.

Литература

1. Франкл В. Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
2. Гордон Л.А. Социальная адаптация в современных условиях / СОЦИС. – 1994. – № 8-9. – с.3-15.
3. Залевский Г.В. «Принцип экономии» в объяснении психической ригидности // Сибирский психол. журнал. – 1996. – Вып. 3. – С. 21-23.
4. Семке В.Я. Валеологический аспект интегративной антропологии // Сибирский психол. журнал. – 1996. – Вып. 2. – С. 46-52.
5. Налимов В.В. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей. – 1989. – 288 с.
6. Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое. – СПб., 1900. – 183 с.
7. Ortega-i-Gasset J. Man and Crisis. – N.V; 1958. – 1958. – 76 p.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
9. Гумилев Л.С. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2007. – 216 с.
10. Степанов А.А. Онтогносеологическая концепция авторитета: автореф. дис. А.А.Степанова док. филос.наук. – Томск, 2002. – 26 с.
11. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М., 1993. – 350 с.
12. Вернадский В.И. Биосфера, Т.1. – Л. – 1926. – 192 с.
13. Бердяев Н.А. Судьба России. – Ростов-на-Дону, 1997. – 232 с.
14. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке / под ред. – И.Т.Фролова, М.: Политиздат, 1991. С.196 – 206.
15. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
16. Чешев В.В. Духовность и постиндустриальное общество // Духовность. Образование. Культура. Материалы первых северских культурно-исторических чтений, посвященных Дням славянской культуры и письменности: Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 265 с.
17. Катунина Н.С. Роль универсалий культуры в современном обществе. Современные подходы в биомедицинской, клинической и психологической антропологии // Материалы всероссийской конференции с международным участием в 2-х частях // Часть I. Вопросы биомедицинской, клинической психологической антропологии: под ред. проф. Н.А.Корнетова. – Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2008. – С. 71-75.
18. Пригожин И.Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – №6. – С.46-57.

Антропьянская Лилия Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры немецкого языка института международных отношений и языковой коммуникации Томского политехнического университета, г. Томск, e-mail: antropyanskaya@mail.ru.

Antropyanskaya Liliya Nikolayevna, candidate of psychological science, associate professor, department of german language, institute of international education and communication, Tomsk Polytechnic University, e-mail: antropyanskaya@mail.ru.

УДК 321.172.12

© **О.В. Лобцова**

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ

Рассмотрены различные подходы к пониманию коррупции и особенно как социально-политического явления. Определена необходимость установления взаимосвязи административных структур с институтами гражданского общества в противостоянии коррупции.

Ключевые слова: феномен, коррупция, определения, политическая категория, социально-политическая сфера, органы власти, гражданское общество.

O.V. Lobtsova

TO THE QUESTION OF THE UNDERSTANDING OF THE PHENOMENON OF CORRUPTION

The article describes different the approach to understanding of «corruption», and specially as socio-political phenomenon. The requirement to create a link between administrative structures and civil society to conform corruption is defined.

Key words: *phenomenon, corruption, definitions, political category, socio-political field of activity, authorities, civil society.*

Возникновение и существование коррупции становится возможным с момента обособления функций управления в общественной и хозяйственной деятельности, поскольку именно в этом случае у должностного лица (управленца) появляется возможность распоряжаться ресурсами и принимать решения не в интересах общества, государства, а исходя из своих личных корыстных побуждений.

История коррупции как сложного, многогранного явления не уступает по древности истории человеческой цивилизации. Её возникновение относится ко времени формирования первых классовых обществ и государственных образований. Первое упоминание о коррупции в системе государственной службы нашло отражение в архивах Древнего Вавилона XXIV века до н.э. Царь Лагаша Урукagina реформировал государственное управление с целью пресечения злоупотреблений чиновников и судей.

Коррупция в современном обществе представляет собой социальный институт, элемент системы управления, тесно взаимосвязанный с другими социальными институтами – политическими, экономическими, культурными и т.д.

Об институционализации коррупции свидетельствуют:

- выполнение ею ряда социальных функций, таких как упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путём сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов и др.;

- наличие вполне определенных субъектов коррупционных взаимоотношений, распределение социальных ролей.

Коррупция имеет высочайшую способность приспосабливаться, непрерывно видоизменяется и совершенствуется, профессионально использует недостатки и пробелы социально-правового контроля и юридической ответственности.

Применительно к пониманию феномена коррупции существуют разнообразные методологические подходы. Её издревле рассматривали в нескольких аспектах – социальном, политическом, криминологическом, правовом.

Так, Платон и Аристотель относили коррупцию к политическим категориям, Н.Макиавелли считал её свидетельством общего заболевания государства, разрушающего гражданскую добродетель, Ш.Л. Монтескье характеризовал её как дисфункциональный процесс, в результате которого хороший политический порядок или система превращаются в негодные.

В современной научной, учебной и общественно-публицистической литературе также предлагаются различные определения коррупции. Выработка единого понятия о коррупции как основы для определения универсального способа борьбы с ней – сложный эволюционный процесс. Интегральный характер коррупции не позволил на сегодняшний день разработать однозначное определение этого сложного явления.

Исторически первые определения коррупции относятся к области права. Этимологический подход к определению «коррупции» позволяет определить последнюю как «подкуп», «взятку», исходя из латинского слова «*corruptio*». В римском праве имеется также понятие «*corruptio*», которое понималось самым общим образом, как «разламывать, портить, разрушать, повреждать, фальсифицировать, подкупать», и обозначало соответствующее противоправное действие.

В России первое упоминание о борьбе с коррупцией встречается в судебнике 1497 г., где речь идет о мздоимстве, т.е. о получении взятки. В более позднем судебнике 1550 г. наряду с мздоимством уже фигурировало и лихоимство. Под ним понималось получение должностным лицом судебных органов завышенных пошлин. Затем круг проявлений коррупции, зафиксированный юридической практикой в России, стал ещё шире. На протяжении всей многовековой истории России происходила борьба с различными формами коррупции, которая в отдельные периоды, например, при Петре I, наказывалась чрезвычайно жестоко, вплоть до смертной казни.

В 90-е гг. предпринимались неоднократные попытки законодательно определить коррупцию и меры наказания коррупционных действий. Так Л.В. Астафьев определил данное понятие: «Коррупция – незаконное использование должностными лицами своего статуса или вытекающих из него возможностей в интересах других лиц с целью получения личной выгоды» [1, с. 25].

В документах 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН содержится следующее определение коррупции: «Выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения».

В Федеральном законе РФ «О противодействии коррупции» это явление трактуется как: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний от имени или в интересах юридического лица».

По определению неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции во всём мире TRANSPARENCY INTERNATIONAL, «коррупция – это злоупотребление доверенной властью в частных интересах».

Наиболее глубоко и всесторонне понятие коррупция разрабатывалось американскими учёными. Американские исследователи проблемы коррупции определяют это явление как уклонение политических деятелей, сотрудников госаппарата, бизнесменов и других лиц от выполнения ими своих официальных обязанностей и государственных функций ради личных и иных интересов в целях обогащения и повышения своего социального статуса.

Достаточно ёмкую трактовку коррупции даёт Б.В. Волженкин: «Коррупция – это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [4, с. 32].

Мировой финансовый кризис не привёл к снижению уровня коррупции – такой вывод можно сделать на основании индекса восприятия коррупции (ИВК). По одним из последних данных международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня корруп-

ции во всём мире TRANSPARENCY INTERNATIONAL ИВК в России, отражающий восприятие уровня коррумпированности государственного сектора, не поднимался выше 2,8 баллов с 2001 по 2008 гг. С 2006 г. вплоть до 2008 ИВК в России стремился к нулю, а значит, что в России с каждым годом уровень коррупции повышался. Россия опустилась на одну позицию и теперь занимает 148-е место из 180 с 2,2 пунктами по 10 бальной шкале «честности властей» (в 2008 г. таких было 72 страны). Значит, наша страна является одной из наиболее коррумпированных стран мира.

Понимание коррупции как явления социально-политической жизни характеризуется восприятием данного феномена в качестве специфической модели социально-политических отношений и не сводится исключительно к взяточничеству [5, с. 115]. Скорее, это специфическая разновидность девиантного поведения, обусловленного стремлением чиновников достичь неких эгоистических целей за счет недостатков в развитии институтов публичной власти посредством нарушения ролевых функций в системе государственного управления.

Имеющиеся отклонения в процессе реализации политической власти вырастают в определенную систему (иногда достаточно стройную и даже формализованную), что превращает коррупцию в один из механизмов принятия административных решений. Интересно, что в центрах сосредоточения наиболее влиятельных властных институтов (как правило, столицах государств и субъектов федерации) сложившаяся коррупционная политическая сеть становится столь труднопреодолимой, что превращается в нечто совершенно естественное и привычное, извращая тем самым не только основы государственности, но и психологию отношений, формирующихся между управляющими и управляемыми.

В такой ситуации коррупция как явление, на первый взгляд юридическое, теснейшим образом коррелируется с ее пониманием в морально-этическом ключе. И хотя с точки зрения нормативизма подобное соотнесение может носить деструктивный характер, в практической жизни с ним необходимо считаться, вводя в антикоррупционную проблематику такие категории, как «честность», «прозрачность», «открытость» и т.п. [1, с. 6].

В результате концептуальных дискуссий о сущности коррупции в политико-правовых науках оформились подходы к пониманию феномена коррупции. Первый из этих подходов может

быть назван формально-юридическим, поскольку в его рамках делается акцент на включенности коррупционных деяний в перечень преступлений и проступков, предусмотренных действующим уголовным и административным законодательством [3, с. 27]. Второй же подход может быть квалифицирован как социально-политический в силу того, что в его методологических рамках коррупция исследуется не столько как система должностных преступлений, сколько в качестве девиации ролевых функций любых субъектов, наделенных властными полномочиями [5, с. 54].

Формально-юридическая модель исследования коррупции базируется на признании того, что коррупция – это система противоправных действий властных субъектов, связанная с нарушением, прежде всего, специальных правовых норм, определяющих деятельность государственных органов и должностных лиц.

В рамках данной парадигмы коррупционным может быть признано только то деяние, которое находится в сфере правового регулирования и может быть квалифицировано в соответствии со статьями Уголовного кодекса или Кодекса об административных правонарушениях как должностное преступление или правонарушение [3, с. 28].

В конечном счете, следует помнить, что при всей многогранности проблемы «коррупция как правовое явление», она безоговорочно связывается с процессом правового регулирования общественных отношений и абстрагирования от социально-психологических оценок этого явления с точки зрения морально-этических норм. Коррупция – это социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей.

Сторонники социально-политического подхода исходят из того, что взаимодействие между субъектом и объектом властных отношений осуществляется в рамках модели «принципал–агент» [5, с. 45]. В качестве верховного принципала в демократическом государстве выступает народ. Агентом же является должностное лицо, которому принципал выдает некий мандат в виде системы полномочий и определяет через законодательство, для каких целей эти полномочия должны использоваться. Здесь следует упомянуть об особом положении во властной иерархии руководителей государственных органов, избираемых глав государств, субъектов фе-

дерации, глав муниципальных образований, которым присуща двойственность их статуса. По отношению к народу они выступают в качестве агентов, по отношению же к своим подчиненным они являются принципалом.

Но как бы то ни было, коррупция присутствует тогда, когда агент (должностное лицо, государственный орган и прочее) использует предоставленные ему принципалом полномочия для достижения не предусмотренных мандатом целей. Причем, совершенно неважно, получает ли агент за это какое-то вознаграждение, или же мотивация его поступков не определяется явной корыстью, что ярко прослеживается в случаях проявления «чистого» бюрократизма. Довольно подробно социально-политическая парадигма исследования коррупции рассмотрена в рамках Йельской правовой школы, яркой представительницей которой является С.Роуз-Аккерман. Именно благодаря ей в политико-правовом лексиконе появилось понятие «политическая коррупция», противопоставленное коррупции «административной» [5, с. 83].

Следует отметить, что данная модель, на первый взгляд, осложняет процесс анализа коррупции как явления, поскольку сознательно снижает степень его формализованности. Такого рода действия властных субъектов довольно трудно квалифицируются как собственно коррупционные, поскольку их противоправный характер либо прослеживается крайне незначительно, либо не прослеживается вовсе, что, безусловно, затрудняет процесс противодействия данным деструктивным тенденциям. Однако, эвристическая польза такого подхода очевидна, поскольку именно данная модель дает возможность представить в качестве коррупционных и антисоциальных те явления, которые явно не могут быть квалифицированы как противоправные.

Данный подход помогает раскрыть безнравственную основу корыстных действий властных субъектов и направить общественную активность на противодействие такой модели властвования.

Хочется высказать предположение, что изначально сама категория «коррупция» находится в плоскости социально-политического бытия, нежели бытия юридического. Так под коррупцией можно понимать определенную модель властвования, основанную на манипулировании социальными ожиданиями, признавая, что в процессе противостояния «коррозии» общества недостаточно участия только правоохранительных органов. Рассматривая коррупцию как интегрирующее понятие для целого ряда поступков и

действий властных субъектов (причем, не обязательно политических), отклоняющихся не только от правовых, но и от моральных норм, необходимо призвать к мобилизации гражданского общества в процессе воздействия на управленческие структуры.

Понимание коррупции в социально-политическом ключе неизбежно ведет к перераспределению ответственности за деструктивные процессы в государстве, и возложения части этой ответственности на плечи социума. То есть в рамках данной исследовательской модели технология противостояния коррупции рассматривается как двояконаправленное явление, где один вектор связан с деятельностью прокуратуры и органов внутренних дел, а другой – с активной социально-политической позицией каждого отдельно взятого гражданина.

Очень показательным в рамках данного подхода является понимание коррупции А.И. Кирпичниковым: «Коррупция – это коррозия власти. Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества. Уровень коррупции – своеобразный термометр общества, показатель его нравственного состояния и способности государственного аппарата решать задачи не в собственных интересах, а интересах общества. Подобно тому, как для металла коррозионная усталость означает понижение предела его устойчивости, так для общества усталость от коррупции означает понижение его сопротивляемости» [4, с. 17].

В социально-политическом понимании коррупция достаточно давно воспринимается в качестве объективного показателя степени активности или пассивности, сознательности или иррациональности гражданского общества, поскольку действие «железного закона олигархии», напрямую влияющего на нравственное разложение управленческого аппарата, нейтрализуется только эффективным противодействием со стороны гражданских институтов [2, с. 49]. Если же мздоимство, «административный восторг», семейственность становятся социальной нормой, то подобного рода отношения не могут не затронуть и более высокие этажи общественной иерархии, включая государственную власть.

Развитые демократические государства, демонстрирующие многолетний пример укрепления активной гражданской позиции, в ходе своего исторического развития выработали такую модель социально-политического партнерства, которая априори подразумевает укрепление ин-

ститутов гражданского контроля над деятельностью государственной службы [1, с. 34]. Несмотря на то, что административный сектор явно неохотно «уступает» традиционно государственные сферы влияния, он все же вынужден считаться с конкуренцией со стороны неполитических объединений и организаций. Это, с одной стороны, значительно повышает уровень подотчетности управленческих структур гражданскому сектору, а с другой, способствует росту авторитета и общественного доверия по отношению к правительственной и парламентской деятельности.

Главным аргументом против активизации гражданского сектора в процессе контроля за деятельностью чиновничьего аппарата является признание излишней эмоциональности гражданских отношений, неспособности общества видеть те или иные проблемы управления комплексно, в государственном масштабе.

Признавая весомость подобного рода обвинений, особенно для государств, находящихся в переходном состоянии, где гражданская активизация носит нередко деструктивный характер, принимая порой революционные формы, следует все же констатировать тот факт, что именно гражданские институты, в конечном счете, могут стать ключевым звеном в процессе предупреждения коррупции в государственных структурах различного уровня.

Это объясняется целым рядом причин, главными из которых можно признать следующие:

1) гражданский сектор выступает одной из сторон коррупционной деятельности;

2) гражданский сектор охватывает гораздо более широкий спектр правоотношений, нежели государственный, и поэтому обладает большим потенциалом в решении проблем противостояния коррупции;

3) гражданский сектор гораздо более эффективно способен противостоять распространению коррупции на низовом уровне, поскольку контроль за деятельностью подчиненных регионального эшелона для государственных чиновников высших этажей власти в значительной степени затруднен фактическим незнанием местной специфики.

Однако следует учитывать тот неоспоримый факт, что коррупция распространяется и на социальном уровне. Поэтому было бы наивным абсолютизировать роль гражданской сферы в процессе противодействия коррупции. Скорее всего, здесь необходима теснейшая смычка государственных и гражданских сил, заинтересованных в обуздании коррупции. От государства

здесь требуется соответствующая нормативная практика, обеспечивающая свободное развитие гражданских инициатив, формирование неправительственных организаций. Становление последних может стать толчком к постепенному конституированию механизмов гражданского контроля за деятельностью административного аппарата, а в последующем – и в устойчивую систему соответствующих институтов.

Многообразие точек зрения на определение коррупции свидетельствует о сложности этого явления и требует более глубокого и всестороннего его изучения – во-первых, углубления теоретического уровня познания коррупции (формирования чёткого правового определения, исследования причин возникновения коррупции и факторов, способствующих её развитию), во-вторых, изучения влияния коррупции на экономическую, социальную и политическую жизнь общества и формирования системы практических мер по борьбе с этим явлением.

Литература

1. Астафьев Л.В. Коррупция в России: состояние и проблемы. – М.: Московский институт МВД РФ, 2000. – С. 25.
2. Барциц И.Н. Противодействие коррупции и модернизация государственного управления: опыт России. – М.: РАНХиГС, 2011. – 62 с.
3. Богданов И.Я. Коррупция в России. Социально-экономические и правовые аспекты. – М., 2008. – 137 с.
4. Волженкин Б.В. Коррупция как явление. – СПб.: Юрист, 2006. – С. 32.
5. Дорохов Н.И. Некоторые аспекты оценки коррупции как социально-правового явления // Военно-юридический журнал. – 2006. – № 4. – С. 26-32.
6. Кирпичников А.И. Российская коррупция. – М.: Юрист, 2004. – 480 с.
7. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. Пер. с англ. О.А. Алякринского. – М.: Логос, 2003. – 356 с.

Лобцова Оксана Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета, г. Чита, e-mail: oxy-pusik@rambler.ru.

Lobtsova Oksana V icktorovna, candidate of sociological sciences, associate professor, department of state, municipal administration and politics, Zabaikalsky State University, Chita, e-mail: oxy-pusik@rambler.ru.

УДК 111.1

© Е.Г. Миляева

ФУНКЦИИ БРЕНДА В ИНДИВИДУАЛЬНОМ БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА

В статье раскрывается специфика функционирования бренда в индивидуальном бытии человека в современной социокультурной ситуации.

Ключевые слова: бренд, функции бренда, индивидуальное бытие человека, идентичность, индивидуальность.

E.G. Milyaeva

BRAND FUNCTIONS IN INDIVIDUAL HUMAN BEING

Specific character of brand functioning in individual human being according to modern social-cultural situation is discovered in the article.

Key words: brand, brand function, individual human being, identity, individuality.

История культуры и общества показывает, что кризисы являются необходимыми этапами в социокультурной эволюции человечества, в которой чередуются этапы стабильности и нестабильности, рассогласования и гармоничного существования. В кризисных условиях перехода, когда человек теряет смысловые ориентиры, его мир перестает быть для него «домом», где все понятно и надежно; человек оказывается «чужаком в чужой стране». Наше хрупкое «Я» нуждается в поддержке и закреплении. В условиях общества потребления человек создает себе «дом» через владение вещами.

Люди ищут, проявляют, закрепляют и утверждают ощущения бытия через то, что они имеют.

Отличительным признаком бытия человека является его самостоятельность; бытие «всегда мое», утверждал М.Хайдеггер [8]. Но при этом человек в своем бытии включен в системную связь природы, общества и культуры.

Социум, безусловно, влияет на сознание человека, а современное общество может быть охарактеризовано через совокупность общественных отношений, в которых ключевое место играет индивидуальное потребление, опосредо-